

П. В. Федотов

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (1882–1914 гг.): РУССКИЕ СОТРУДНИКИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В статье освещается важный аспект деятельности крупнейшей заграничной русской благотворительной организации — Императорского православного палестинского общества (ИППО): кадровая политика в отношении русских сотрудников учебных заведений на Ближнем Востоке. Исследование основано главным образом на изучении документов (писем, отчетов и дневника) куратора школьной политики ИППО Николая Мильевича Аничкова. В работе прослеживается история возникновения и развития школьной сети ИППО, дается оценка деятельности сотрудников учебных заведений, сравниваются школы различных типов (ориентированные на светское и на религиозно-нравственное образование). Рассматриваются меры, предпринятые Палестинским обществом для привлечения персонала и для его мотивации, описываются сложности заграничной работы и проблемы межкультурных и межэтнических взаимоотношений, делается вывод об эффективности кадровой политики ИППО.

Ключевые слова: Императорское православное палестинское общество, ИППО, Ближний Восток, православие, образование, кадровая политика, благотворительность.

P. V. Fedotov

PERSONNEL POLICY OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY IN THE MIDDLE EAST (1882–1914): RUSSIAN EDUCATIONAL STAFF

The paper highlights the important aspect of activities of the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS), the largest Russian charitable organization abroad: personnel policy for the Russian educational staff in the Middle East. Many documents of Nikolai Anichkov, the curator of IOPS schools (letters, reports and diary) were examined. The history and development of the IOPS school network is shown in the work, the assessment of staff is given, different types of schools (focused on secular and religious education) are compared. The author considers the efforts made by IOPS in order to attract employees and to motivate them to work, describes the complexity of the work abroad and the problems of intercultural and inter-ethnic relations, and come to conclusions about the effectiveness of IOPS personnel policy.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS), the Middle East, the Orthodoxy, education, personnel policy, clarity.

Деятельность Императорского православного палестинского общества (ИППО) оказала заметное влияние на жизнь православных жителей Ливана, Сирии и Палестины в конце XIX — начале XX в. Заведения этой русской благотворительной организации находились в десятках городов и селений Ближнего Востока. Наиболее значительным проектом Общества стало создание сети школ для православных арабов. В то время Ближний Восток испытывал серьезную потребность в образовании, однако уровень подготовки учителей был крайне низок. В. Н. Хитрово, помощник председателя ИППО, в 1884 г. отметил: «...Все православные школы страдают полным отсутствием какого-нибудь рационального учения. Если бы кто-нибудь видел этих учителей и их полную неразвитость, то был бы поражен, как и я» [1, с. 7].

Федотов Пётр Викторович — заведующий отделом, Государственный музей истории религии, Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, Почтамтская ул., д. 14/5; fedotovpetr@mail.ru

Fedotov P. V. — Head of Department, The State Museum of the history of region, 14/5, ul. Pochtamtская, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; fedotovpetr@mail.ru

Для решения одной из основных своих задач — поддержания православия в Святой земле Палестинское общество решило создать заведения по подготовке учителей для православных школ. Образованных людей для этих учительских семинарий можно было найти в России. В силу определенных причин, о которых будет сказано ниже, ИППО не могло приглашать миссионеров. Руководство Назаретским пансионом (училищем для мальчиков) было поручено этническому арабу с русским паспортом [2, с. 225] Александру Гавриловичу Кезде. А. Г. Кезда сочетал в себе очень важные качества — подготовленность к педагогической деятельности, хорошие манеры, знание арабского и русского языков, знакомство с местными условиями и обычаями и, наконец, глубокую преданность интересам России [1, с. 8–9]. Александр Гаврилович стал одним из столпов сети школьных заведений Палестинского общества. Он с успехом возглавлял мужскую учительскую семинарию в Назарете с момента ее основания в 1886 г. до закрытия в 1914 г. после начала Первой мировой войны. Михаил Нуайме, известный арабский писатель, обучавшийся в Назарете, отзывался о Кезде как о хорошем управляющем, под руководством которого семинария процветала и выпускала высокообразованных учителей [3, с. 93].

Сложнее оказалось подобрать руководительницу для женского училища в Бейт-Джале. Первая из русских начальниц, М. П. Глебова, проработала менее месяца, вторая, А. О. Селиванова, — лишь один учебный год. Затем год школа оставалась в ведении учительницы-сирийки; следующая учительница, В. К. Ваксмут, продержалась здесь полгода; несколько месяцев исполняла обязанности начальницы А. Ф. Клементовская. Наконец с августа 1890 г. под свое руководство заведение приняла Евдокия Михайловна Тараканова, шестая за четыре года начальница. Это был хороший выбор: Е. М. Тараканова показала себя серьезной, энергичной и рассудительной управляющей. Она сумела создать в учительской семинарии в Бейт-Джале благоприятную для обучения атмосферу. Ученицы относились к ней с теплотой и уважением, сложился дружный педагогический коллектив. Более 10 лет прослужили с Е. М. Таракановой другие русские учительницы — А. Ф. Клементовская и В. М. Соколова. Достойной преемницей Е. М. Таракановой в 1900-е годы стала Елизавета Ивановна Голубева, — секретарь Палестинского общества А. А. Дмитриевский, инспектировавший русские школы ИППО в 1910 г., отзывался о ней вполне благоприятно [4].

После создания мужской и женской учительских семинарий Палестинское общество в 1890-е годы стало брать под свое управление православные патриаршие школы (или же создавать новые) — сначала в Галилее на севере Палестины, а затем в Сирии и Ливане. Для организации работы арабских учителей и преподавания русского языка в школах требовалось всё больше сотрудников из России. Известный украинский востоковед А. Е. Крымский, который более двух лет провел в Ливане, в письме от 1897 г. рассказывал своей сестре о том, каким образом она могла бы получить место:

Труднее всего попасть к Иерусалиму (в Бейт-Джалу), так как там лучше всего живется в смысле гигиеническом. Дом школы с печами, прислуга русская и кухня русская; есть там и большое общество местных русских, а кроме того — всегда масса приезжающих из России. Начальница там (Тараканова), правда, очень строга и не лишена самодурства. Зато русскость искупает и ее. В Назарете, Дамаске, Бейруте, Хайфе и проч. не так, и все оттуда бегут, потому что чувствуют себя совсем одиночками; туда попасть совсем легко. В марте приедет сюда В. Н. Хитрово, секретарь Палестинского общества, и я постараюсь с ним увидеться и переговорить на твой

счет. А то ты и сама можешь ему после марта написать. Объясни ему, что ты по диплому, пожалуй, не имеешь высокого ценза, но зато много училась дома, и лишь стечение обстоятельств не дало тебе возможности выдержать выпускной гимназический экзамен... Напиши, что всем сердцем рвешься послужить в Палестине или Сирии православию и России и желала бы поступить на службу Палестинского общества. Прибавь, что просишь дать указание, какие науки ты должна еще добавочно изучить, чтобы иметь право поступить на службу Палестинского общества. Письмо лучше всего написать в искреннем, неофициальном тоне, так как Палестинское общество не приняло еще сухого, вполне официального характера [5, с. 114–116].

Как следует из письма, чтобы попасть на службу на Ближний Восток, достаточно было убедительно написать о желании послужить православию и России, а также, по возможности, предоставить рекомендацию от другого лица. Как показал опыт, не всегда поездки в Палестину и Сирию заканчивались для учительниц благополучно. В архиве Дмитриевского из Российской национальной библиотеки сохранилось эмоциональное и весьма критическое по отношению к Палестинскому обществу письмо с рассказом о судьбе одной русской учительницы, написанное в 1894 г. обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву. В письме упоминаются различные проблемы, с которыми сталкивались русские на Ближнем Востоке: болезни, сложные бытовые условия, язык, взаимоотношения с соотечественниками и арабами.

Ваше Высокопревосходительство Константин Петрович! Года 2 назад я желал очень устроить свою дочь учительницей в Палестине и даже сам желал поступить туда на самое скромное место и просил о том Вашего ходатайства. Господин Хитрово мне лично отказал, а дочери моей предлагал место учительницы в Назарете, но она без меня ехать туда не пожелала, и я рекомендовал на это вакантное место гувернантку детей моих, бывшую лютеранку, которая жила у меня год и приняла православие по убеждению, вследствие моих собеседований с нею. Это некто Елизавета Осиповна Грюнинг, уроженка г. Любавы. Она уехала туда (в Назарет) в 1892 г., ровно два года назад. По прибытии на место она не понравилась заведующей школой и всеильному там заведующему и инспектору Якубовичу (бывшему пароходному подлекарю, а ныне педагогу), и они удалили ее в Кайфу, заведовать арабской школой. Барышня эта (весьма способная) быстро усвоила и изучила арабский язык, имела 70 учениц — при самой плохой временной помощнице из арабов, ей отказали в прислуге, она сама готовила себе кушанье. От себя платила жалованье помощнице, чтобы только не прогнать Якубовича, хотя это по условию ей должны были дать, и, высылая по 10 рублей в месяц <своему отцу>, терпела 2 года страшные лишения в надежде лучшего. Кончилось тем, что она от непосильных трудов и лишений и при дурном питании заболела нервной горячкой и теперь лежит в больнице в Иерусалиме. Ее тотчас же уволили от должности, она лишилась всех средств, а отец ее (в Любаве) от горя получил удар и разбит параличом, потеряв единственную опору его старости. Вот как вознаградило Палестинское общество двухлетие буквально непосильного труда и лишения. И это всё на глазах у иноверцев, у которых служащие вполне обеспечены. У нас же интриги и разврат, всё это я видел, а еще больше слышал в Палестине. Ее невзлюбили за то, что она не следовала общему режиму и одному учителю, слишком навязчивому, сказала при всех, что он глупо себя держит и очень нахален. Помогите ей ради Бога! Она в госпитале тратит последние деньги и ей невозможно будет вернуться на родину. Зная ее хорошо и имея от нее массу писем за эти два года, я глубоко убежден, что это дело самой низкой интриги. Пробовал я писать о ней еще прежде В. Н. Хитрово, но убедился, что это сухой и бессердечный человек... Ох, сколько в этом палестинском деле лжи и обмана, а более еще самообмана. Глубоко уважающий Ваше Высокопревосходительство, А. Сумароков [6, с. 143–146].

Драматическая ситуация взаимоотношений учительницы из Любавы с другими русскими служащими возникла из-за непродуманной кадровой политики ИППО на

начальном этапе развития школьного дела в Палестине в 1890-е годы. Это объяснялось отсутствием опыта организации таких проектов: не учитывалась психологическая совместимость сотрудников, педагогическая подготовленность. Приглашались и случайные люди, и, напротив, чрезмерно честолюбивые. К последним отчасти относился и уже упоминавшийся Александр Иванович Якубович, первый инспектор русских школ в Палестине. Якубович оказался очень энергичным и инициативным руководителем, сумевшим значительно расширить сеть русских школ в Палестине и Сирии. Однако по отношению к своим соотечественникам инспектор проявлял крайнюю надменность. Естественно, это часто вызывало конфликты среди русских служащих.

В конце концов в Совете Палестинского общества в Петербурге начали обсуждаться вопросы, касающиеся кадровой политики в отношении русских служащих учебных заведений на Ближнем Востоке. Наибольший вклад в решение этой проблемы внес Николай Мильевич Аничков, профессиональный педагог, заместитель министра Народного просвещения, член Совета ИППО. В 1897 г. он писал помощнику председателя Палестинского общества М. П. Степанову:

... Жаль очень, что выходит такая неурядица с главными лицами из служащих в Обществе там на месте.... В деле постановки школ есть там у нас какой-то недостаток, но какой отсюда усмотреть нельзя. Мне сдается, существует ли там дружество, единство действия педагогических сил и проникнуты ли все любовью к своему делу. Не составляет ли в этом случае исключение Е. М. Тараканова и ее школа, т. е. исключение в хорошую сторону, а все прочие идут более за страх, чем за совесть. А. И. Якубович, бесспорно, крайне преданный своему делу человек, но он крайне личный и одержим бесом влюбчивости; он желает, чтобы люди не только служили, но и прислуживались, и не только ему, но и тем переменчивым особам, которые в данное время составляют его “предмет” (Протанюк, Иванова и *fili quanti*) [7, с. 31–32].

Якубовича было решено снять с должности, назначив ему пожизненную пенсию в 900 рублей в год. В 1898 г. для привлечения профессиональных педагогов с высшим образованием русским учителям в Назаретском училище, школьным инспекторам и их помощникам были выхлопотаны права, соответствующие правам учителей русских учительских семинарий и инспекторов русских народных училищ. Им были предоставлены льготы по отбыванию воинской повинности. От учителей и учительниц стали требовать соответствия образовательному цензу. Наконец, для практического ознакомления с проблемами русских школ на Ближнем Востоке туда была отправлена инспекция во главе с Н. М. Аничковым, отпросившимся из Министерства в четырехмесячную командировку. Эта поездка была очень своевременной. В Назарете возник конфликт между русскими сотрудниками ИППО, недавно поступившими на службу. Все четыре русских учителя, выпускники педагогических институтов, написали заявления об увольнении, протестуя против действий русского инспектора П. П. Николаевского и начальника учительской семинарии А. Г. Кезмы. Н. М. Аничков убедил русских учителей остаться, разъяснив преимущества службы в Палестине: дополнительные надбавки к жалованию, большие пенсии, дешевизна местной жизни, возможности для карьерного роста, меньшее количество учеников. Кроме того, он припугнул служащих тем, что уволившись из-за конфликта с начальством они рискуют не найти хорошую работу в учебных заведениях России. В то же время русскому инспектору было настоятельно рекомендовано относиться к своим

подчиненным менее высокомерно. Конфликт был урегулирован: все пятеро русских служащих в Назарете — П. П. Николаевский, Н. М. Богоявленский, Н. П. Мирошников, А. А. Стасевич и В. А. Соловьев¹ надолго остались на службе Палестинского общества на Ближнем Востоке.

Во многом конфликты между русскими служащими объяснялись их молодостью. Палестинское общество делало ставку на молодых сотрудников: предполагалось, что пожилые, семейные люди не захотят поехать в далекую страну даже на выгодных условиях. Некоторые молодые учительницы имели женихов в России и не планировали надолго задерживаться на Востоке. В своем дневнике Н. М. Аничков даже отмечал, что, возможно, для успеха дела стоило бы брать некрасивых сотрудниц [8, с. 30–31]. Молодые учительницы, только что окончившие гимназию, часто оказывались не готовы к трудностям местной жизни. Очень немногие учили арабский язык. Незнание языка отделяло русских от местных жителей, иногда вызывало неприязнь. Особенно часто русские учительницы менялись в Назарете, Хайфе, Дамаске, Эль-Мине и Триполи. Устройство домов и питание здесь были очень непривычны для русских, весной и осенью были распространены лихорадки. Относительно неплохое содержание не всегда удерживало русских учительниц на службе.

Теоретически альтернативой молодым учителям и учительницам могли бы стать миссионеры, которые преобладали в католических и протестантских благотворительных организациях на Ближнем Востоке. Однако напряженные отношения с греческими православными иерархами, авторитет которых признавала Россия, не позволяли привлекать православных миссионеров. Исключение составляла Мария Александровна Черкасова — начальница русских школ в Бейруте. М. А. Черкасова всецело отдалась служению православию. Три года она отдала миссии в Японии, затем отправилась в Иерусалим и убедила В. Н. Хитрово поручить ей руководство школой. С 1887 по 1914 г. она открыла в Бейруте шесть православных школ. Важнейшей задачей этих школ стало воспитание нравственных качеств учеников, передача знаний была второстепенным занятием. Ученицы и учительницы составляли одну дружную семью, объединившуюся вокруг своей начальницы — «Мамы»², как они называли Марию Александровну. Модель так называемых «миссионерских школ» имела и существенные недостатки. Хозяйство бейрутских школ велось неумело. М. А. Черкасова, ставящая религиозно-нравственные ценности во главу угла, конфликтовала почти со всеми русскими сотрудниками ИППО. В то же время она попала под влияние местной арабской семьи Абдо и записала всё школьное имущество на нее счет. Потеряв М. А. Черкасову, общество, вероятно, не смогло бы заменить ее другой русской начальницей и потеряло бы над школами контроль.

Среди сотрудников Палестинского общества были и выпускники православных учебных заведений. Русские инспектора Д. Ф. Богданов, П. И. Рязский и И. И. Спаский, окончившие Московскую и Казанскую духовные академии, оказались в числе самых успешных служащих ИППО на Ближнем Востоке.

Поражение в русско-японской войне и революция 1905–1907 гг. весьма болезненно сказались на деятельности Палестинского общества: поступления пожертвований, основного источника финансирования, значительно уменьшились. Некото-

¹ В. А. Соловьев — отец известного писателя Л. В. Соловьева, автора «Повести о Ходже Насреддине». Интересный факт: Л. В. Соловьев родился в Триполи (Ливан), месте службы его отца.

² В Бейруте одна из улиц названа в честь Черкасовой «улицей Мамы».

рые сотрудники уволились со службы, опасаясь закрытия сирийских учебных заведений. К этому времени русские школы стали заметным фактором арабской жизни, российские дипломаты на Ближнем Востоке были заинтересованы в продолжении их работы. Чтобы определить судьбу русских школ в Сирии и Ливане, в 1910 г. была организована инспекция во главе с секретарем ИППО А. А. Дмитриевским и представителем Министерства иностранных дел Н. В. Кохманским. В ходе этой инспекции была составлена так называемая «Объяснительная записка к смете по содержанию сирийских школ ИППО»³. Среди прочего в ней рассматривались различные вопросы кадровой политики Палестинского общества: надзор русских сотрудников за арабскими учителями, оптимальная кадровая структура, значение инспекторов. Была обоснована важность сирийских школ для ближневосточной политики российского правительства. Отмечалось, что «без постоянного надзора за... <школьным> делом и руководства со стороны русских людей у Общества не могло бы быть уверенности в том, что русские деньги расходуются им на пользу, а не во вред России» [9, Л. 19–22]. Исходя из многолетнего опыта для русских служащих в Сирии была определена оптимальная кадровая структура: два инспектора — в Триполи и Дамаске, два помощника инспекторов — в тех же городах, два начальника отдельных школьных районов в Хомсе и Рашее, шесть русских начальниц в Бейруте, Дамаске, Латакии, Хомсе, Триполи и Эль-Мине, 4 учительницы русского языка в Триполи, Эль-Мине, Бейруте и Дамаске, — всего 17 служащих [9, Л. 19–22]. С учетом Палестины общее количество сотрудников учебных заведений должно составлять более 30 человек. Фактически же в 1900-е годы число русских служащих не превышало 25 человек. Значительная роль отводилась инспекторам, по существу являвшимся политиками местного значения. Помимо надзора за учебно-воспитательной частью, они управляли школами, проводили сложные переговоры с местными властями, администрацией, судами, консульствами, высшим и низшим духовенством, религиозными общинами [9, Л. 19–22].

Судьба сирийских школ обсуждалась с представителями Министерства иностранных дел еще два года. Решено было поддержать школы ИППО субсидией из государственного бюджета, и в 1912 г. был издан закон, согласно которому на эти цели в течение 3 лет выделялось от 126 до 153 тыс. руб. ежегодно. Таким образом, накануне Первой мировой войны деятельность школ Палестинского общества была стабилизирована, появились возможности совершенствовать структуру и кадровый состав русских служащих. Однако в 1914 г. школы ИППО навсегда прекратили свою работу.

Итак, если брать за точку отсчета учреждение заведений по подготовке учителей в Назарете и Бейт-Джале, сеть русских школ просуществовала чуть более 25 лет. На первых порах не было определенной кадровой политики в отношении русских сотрудников: приглашались люди, заявлявшие о желании послужить православию и России. В 1890-е годы часто возникали неурядицы среди служащих. В ответ на это Палестинское общество укрепило кадровый состав учебных заведений профессиональными педагогами с высшим образованием. Это существенно улучшило рабочую атмосферу, стабилизировало работу школ. Успехи учебных заведений и формирование кадровой политики в первую очередь являются заслугой Николая Мильевича Аничкова, главного куратора школьной деятельности ИППО.

³ Этот документ в настоящее время подготовлен для публикации А. Г. Грушевым (ИВР РАН).

Литература

1. Учебные и врачебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета общества Н. М. Аничкова. Ч. 2. Учебные заведения в Галилее. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1910. 264 с.
2. *Хитрово В. Н.* Собрание сочинений и писем. СПб.: Издательство Олега Абышко. 2012. 320 с.
3. *Нуайме М.* Мои семьдесят лет. М.: Наука, 1980. 236 с.
4. Письмо А. А. Дмитриевского А. А. Ширинскому-Шихматову // РНБ. Ф. 253. Д. 31.
5. *Крымский А. Е.* Письма из Ливана. М.: Наука, 1975. 341 с.
6. Письмо А. Сумарокова К. П. Победоносцеву от 17.12.1894 // РНБ. Ф. 253 Д. 42.
7. Письмо Н. М. Аничкова М. П. Степанову от 28.08.1897 // РНБ. Ф. 253. Д. 43.
8. Дневник Н. М. Аничкова за февраль-март 1899 г. // РНБ. Ф. 253. Д. 774.
9. Объяснительная записка к смете по содержанию сирийских школ ИППО // РНБ. Ф. 253. Д. 36.

Статья поступила в редакцию 10 декабря 2014 г.